

—

«Лу Ичуань, встретить тебя сложнее, чем императора».

Гао Чжилань поставила тарелку перед Лу Ичуанем, плюхнулась напротив него и, подняв глаза, заглянула в его тарелку: «Ты что, ешь яичный жареный рис из того окошка сзади? Ну, это в твоём стиле, сразу выбрал самое невкусное из этого ряда».

Молодой человек, державший палочки для еды, слегка замешкался, его голос звучал беспомощно: «На собрание опоздал, просто так заказал. Что тебе нужно от меня?»

Гао Чжилань только тогда вспомнила о своей первоначальной цели: «Чем ты так занят в последнее время? На сообщения не отвечаешь, и сам нигде не показываешься».

Лу Ичуань опустил глаза, палочками для еды понемногу вытаскивая зелёный лук из тарелки, не поднимая головы: «Групповые собрания, руководство диссертаций, плюс подработка, как только начинаю заниматься, забываю отвечать на сообщения».

Гао Чжилань отпила соевого молока, услышав это, удивленно подняла бровь: «Ты? Подработка?»

Движения рук молодого человека не прекращались, его пальцы под светом столовой лампы были длинными и белыми, суставы четко выделялись, на тыльной стороне ладони просвечивали синие вены.

«Кофейня у реки недалеко от университета, если будет время, добро пожаловать попробовать, сделаю тебе скидку».

«Да ладно тебе...» — сказала Гао Чжилань, — «Я простая женщина, не могу пить такой горький и терпкий кофе».

«У тебя в последнее время совсем нет денег? Как ты дошел до того, чтобы подрабатывать?»

«Наверное, ещё не так плохо». Лу Ичуань добродушно улыбнулся: «Все равно без дела сижу, так что нашёл занятие, чтобы поднять себе настроение».

Гао Чжилань медленно подняла большой палец вверх: «Ты как всегда. Кстати, где Чжао Шоу? Сегодня он не с тобой?»

Лу Ичуань посмотрел на дверь: «Его оставил научный руководитель, чтобы задать вопросы. Судя по времени, он скоро подойдет».

В тот же момент, когда он закончил говорить, в проеме лестницы действительно появилась фигура Чжао Шоу.

Он с кислым лицом сел рядом с Лу Ичуанем: «В прошлой жизни убивал, в этой жизни изучаю философию. Я тогда, наверное, головой ударился, раз выбрал эту специальность».

Немного поныв, он слегка пришел в себя и повернул голову к Лу Ичуаню: «Мой Лу Гэ все тот же мой Лу Гэ, даже если он поменял специальность, все равно поступил на эту невыносимую специальность, и заставил таких как я краснеть от стыда».

Гао Чжилань вмешалась: «Это значит, что Лу Гэ по-настоящему любит эту специальность, как он может быть похож на такой мусор, как вы, кто хочет просто получить диплом?»

Чжао Шоу взмолился: «Младшая сестра, я уже честен, пожалуйста, не ругайся».

За эти несколько слов Лу Ичуань уже вытащил перед собой небольшую горстку зеленого лука.

Голоса Гао Чжилань и Чжао Шоу то и дело звучали у него в ушах, он не знал, слушает ли он их, просто спокойно, опустив глаза, выбирал зеленый лук.

Гао Чжилань воскликнула: «Эй, старший, ты не ешь зеленый лук?»

Лу Ичуань еще не ответил, как Чжао Шоу перебил: «Не то чтобы он не ел зеленый лук, он всегда так ест: сначала вынимает зеленый лук, а потом ест по очереди, наверное, он не выносит, когда эта зеленая субстанция смешивается с едой».

Лу Ичуань набрал полную ложку зеленого лука и отправил ее в рот, ничуть не рассердившись на подковы Чжао Шоу: «Привычка. Кстати, младшая сестра, ты еще не сказала, зачем ты меня искала?»

«О...» — сказала Гао Чжилань, — «Дело в том, что недавно студенческий совет организовал сбор средств для приюта, верно? Мы на эти деньги купили одежду и игрушки, а также немного еды. Ты пожертвовал больше всех, и студенческий совет попросил меня узнать у тебя, не хочешь ли ты пойти с нами в приют, чтобы отдать вещи?»

Лу Ичуань съел немного яичного жареного риса, вкус которого, как сказала Гао Чжилань, был непередаваемым, но он все равно проглотил его, не изменившись в лице.

Зернышки риса, ветчина, яйца и едва заметный аромат зеленого лука.

«Когда?»

«В эти выходные».

«Так...» — уголки губ молодого человека дрогнули, голос был мягким, — «Прошу прощения, я работаю в выходные, боюсь, не смогу пойти».

Гао Чжилань в какой-то мере догадывалась о результате.

Хотя Лу Ичуань был добрым, он редко участвовал в подобных мероприятиях. Вместо того чтобы появляться на публике, он предпочитал молча трудиться за кулисами.

«Иди», — убеждала она, — «Разве ты не хочешь посмотреть, на что потратили деньги, которые ты пожертвовал?»

Честно говоря, Лу Ичуаня это не интересовало.

Судьба детей из приюта, живы ли они или мертвы, его не касалась.

Жареный рис в тарелке был твердым и сухим, и его настроение почему-то становилось раздраженным.

Гао Чжилань продолжала убеждать его: «Директор приюта, узнав, что ты пожертвовал почти половину денег, сказал, что непременно хочет лично поблагодарить тебя. Если бы не ты, дети там, боюсь, даже летней одежды не имели бы...»

Донг! — ложка, упав на тарелку, издала звонкий звук.

Гао Чжилань прервалась от этого звука и, увидев обычное лицо Лу Ичуаня, почувствовала странное чувство в сердце и не посмела продолжать.

Лу Ичуань взял свою сумку, лежавшую сбоку, и улыбнулся: «Я понял, я пойду поговорю с начальником, посмотрю, смогу ли взять отгул на выходные. Во второй половине дня еще семинар, так что я пойду».

Он подошел к месту сбора подносов, неся свою тарелку. Прошло слишком много времени, и яичный жареный рис в тарелке блестел от жира, а по объему было видно, что он съел всего несколько кусочков.

Только отобранный пучок зеленого лука он съел дочиста.

Лу Ичуань разжал руку, глядя, как остатки еды понемногу вываливаются в ведро для пищевых отходов, на его лице не было никакого выражения.

—

«Наш лозунг -»

«Нет непойманных сушеных рыбок, есть только ленивые котики!»

«Наша цель -»

«Избивать вредных детей, бить Саньбяо, стать королем среди кошек!»

Цзян Хэн махнул хвостом, с удовлетворением кивнул, глядя на сидящего перед ним Сяо Бая. Он поднял лапу и похлопал Сяо Бая по плечу: «Отлично, босс тобой очень доволен».

А рыжий кот тем временем усердно вылизывал шерсть Сяо Бая.

Неизвестно почему, но этому котенку Цзян Хэну не нравилось вылизывание, которое так любят все кошки. Когда другие кошки его вылизывали, ему не нравилось, и сам он себя тоже не вылизывал. И без того грязный, он еще и шерсть не приглаживал, каждый день был похож на взъерошенного ежика.

Но он сам ничего не замечал, глядя на послушного белого кота, прижавшегося к рыжему, и тихонько усмехнулся в душе.

Если ты будешь лизать его, то не сможешь лизать меня.

Белый кот тоже был не так уж и стар, выглядел лет на четыре-пять, в глазах старого рыжего кота они все были детьми.

Вскоре некогда грязный белый кот был вылизан до десяти из десяти, став совершенно чистым, и ярко контрастировал, стоя рядом с Цзян Хэном.

Сегодняшний поход за едой увеличился с одного спутника до двух, и, глядя на чистого Сяо Бая рядом, Цзян Хэн тут же наполнился боевым духом.

«Сегодня мы пойдем на ту улицу, которую мы видели вчера. Ты будешь мило себя вести, а я буду изображать жалкого. Сначала насытимся сами, а если условия позволят, то лучше взять еще немного. Дахуан ведь ждет, когда мы его накормим».

Белый кот старательно запоминал его указания и спросил: «Мы пойдем к той женщине, которую встретили вчера?»

Цзян Хэн замер, вспомнив слова женщины и ее искалеченную руку.

«Нет... мы пойдем в другое место, ее жареный рис был невкусным».

Белому коту казалось, что он был очень вкусным, но, глядя на идущего впереди котенка, он не осмелился сказать это.

Вчера был солнечный день, а сегодня снова пасмурно, ветер принес прохладу ранней весны, и прохожие снова надели теплую одежду.

Они шли почти час, пока наконец не вышли на асфальтированную дорогу.

На этот раз они сменили направление и недалеко отошли, пока не наткнулись на лесопилку. Лесопилка была очень большой, рядом с ней располагалась столовая, и сотрудники выстраивались в очередь за завтраком с тарелками.

Глаза Цзян Хэна тут же загорелись.

Он сказал Сяо Баю: «Видишь там? Иди туда и изобрази милого, не забудь выбрать добрую на вид девушку, если что-то пойдет не так, сразу беги».

Внутри было слишком много людей, Сяо Бай немного испугался: «Ты не идешь?»

Цзян Хэн хотел бы пойти, но он был слишком уродлив и грязен.

Люди могли терпеть чистую кошку рядом, но перед грязной и уродливой кошкой их доброта и терпение иссякали.

«Я пока не могу идти, ты иди сначала разведай дорогу, если момент будет подходящий, я приду».

«Не бойся...» — утешал его Цзян Хэн, — «Ты сейчас чистый и красивый, они ничего тебе не сделают».

Он присел снаружи, выбрал цель для белой кошки: «Вот та девушка, что сидит у входа, на ее сумке висит кошачий брелок, она точно любит кошек, иди и потрись у ее ног».

Белый кот был домашним питомцем, и ласкать его было легко. Как только он подошел и сладко

мяукнул, девушка сразу же влюбилась в него.

Она подняла чистого кота, с удовольствием погладила его: «Откуда ты, котик? Такой милый».

От нее пахло приятными древесными стружками, белый кот не сопротивлялся, и от ее ласк начал тихонько мурлыкать, его взгляд был устремлен на завтрак девушки, он мягко мяукнул.

«Мяу...»

«Ты голоден?» Девушка посмотрела, взяла колбаску, в которой был перец чили, и сполоснула ее в воде: «Сегодня нет кошачьего корма, так что поешь это».

Цзян Хэн увидел это и решил, что может выйти.

Он подошел и сел у ног девушки. Он знал, что он грязный, поэтому не смел прикасаться к ней, он поднял голову и посмотрел на нее, мяукнув тонким голосом, подражая белой кошке.

«Мяу-уу...»

Девушка опустила голову и обнаружила, что у ее ног сидит грязный, истощенный котенок.

Белый кот, увидев Цзян Хэна, спрыгнул с рук девушки и отдал ему колбаску.

«Так вы вместе?»

Девушка погладила белого кота, протянула руку и несколько раз провела ею над головой Цзян Хэна, но так и не смогла его погладить, и только убрала руку.

«Вы здесь подождите, я пойду и куплю вам еще две сосиски».

Ура!

Цзян Хэн ликовал в душе.

Сегодня снова день, когда встретился добрый человек.

Сосиска, сполоснутая водой, дважды перекатилась по земле, покрывшись слоем грязи, на ней были еще черные маленькие камешки. Белый кот, опустив голову, с удовольствием ел с другого конца.

Цзян Хэн смотрел на грязь, и в животе снова начались спазмы.

Ему было трудно дышать.

Белый кот поднял на него взгляд: «Босс, ты не ешь?»

Цзян Хэн опустил голову и откусил сосиску: «Ем! Сосиска гораздо вкуснее того, что в мусорной куче».

Сказав это, он усмехнулся, не зная, утешает ли он себя или белого кота.

«Сегодня съедим сосиску, а завтра сможем съесть консервы!»

В мире кошек консервы — это высший комплимент.

На стене столовой висел телевизор, по которому показывали утренние новости.

«Доброе утро, уважаемые зрители, сегодня 8 марта 2024 года, поздравляем всех женщин страны с праздником...»

Цзян Хэн перестал жевать, усомнившись в своих ушах, он поднял голову и посмотрел на телевизор над головой.

У кошек очень хорошее зрение, поэтому он отчетливо видел время, отображаемое в левом нижнем углу телевизора.

8 марта 2024 года.

Как это могло быть 2024 год...

Он оцепенел.

Ведь он умер только в 2020 году, как же он, открыв глаза, оказался в 2024 году?

Сотрудники проходили мимо него, говоря на диалекте, которого он не понимал.

Время лилось как поток, затрудняя ему дыхание, и в сердце поднималось чувство, называемое паникой.

Время уже другое, так где же он сейчас?

Он...

Все еще в том же мире?

Увидев, что он долго не двигается, белый кот с сомнением спросил: «Босс?»

Цзян Хэн сглотнул: «Я...»

Не успел он закончить фразу, как внезапно его отбросило, и он с глухим ударом приземлился на цементную дорожку перед столовой.

Цзян Хэн почувствовал, как у него потемнело в глазах, а когда он снова открыл их, то увидел мужчину, убиравшего ногу прямо перед ним.

«Откуда это животное, такой грязный».

—

<http://bllate.org/book/14493/1282692>